

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 12

1977

Борис ПРИВАЛОВ

ШУТНИК ИЗ ЧИМБАЯ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 12

Борис ПРИВАЛОВ

ШУТНИК ИЗ ЧИМБАЯ

ПОВЕСТЬ В АНЕКДОТАХ

*(по мотивам каракалпакского юмористического
фольклора)*

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1977

Борис ПРИВАЛОВ

Борис Авксентьевич Привалов родился 29 февраля 1924 года в Москве. Во время Великой Отечественной войны был корреспондентом военной прессы. По окончании Литературного института имени А. М. Горького — на профессиональной писательской и журналистской работе.

В СССР и за рубежом опубликовано более шестидесяти книг Бориса Привалова — романов, повестей, сборников рассказов, фельетонов, очерков. Ему принадлежат также пьесы, киносценарии и другие драматургические произведения. Более тридцати лет Борис Привалов занимается исследованиями в области юмористического и сатирического фольклора народов СССР.

Борис Привалов — член Союза писателей СССР, лауреат советских и международных литературных конкурсов.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

В устном народном творчестве каждого народа есть свой любимый юмористический герой. У русских — Иванушка-маленьшой разумом большой, на Украине — Катигорошек, в Белоруссии — Нестерка; в Азербайджане, Узбекистане, Туркмении и некоторых других тюркоязычных странах все знают Насреддина. В Таджикистане есть Мушфики, в Казахстане — Алдар Косе. Нет такого народа, который не создал себе собственного весельчака, остроумца, озорника, в котором бы воплощались национальный ум, юмор, смекалка.

В Каракалпакии наиболее популярный герой народных анекдотов зовется Омирбеком. В отличие от своих фольклорных собратьев, как правило, уже много десятков лет известных исследователям народного творчества, Омирбек «открыт» сравнительно недавно. Ряд каракалпакских сказителей и ученых склонны объяснять это обстоятельство прежде всего тем, что в Чимбае (один из крупных торговых центров старой Каракалпакии) действительно жил в конце XIX — начале XX века некий Омирбек, которому народная молва ныне приписывает множество веселых и остроумных проделок. Некоторые аксакалы-старожилы утверждают даже, что еще застали Омирбека в живых. Действительно, живы до сих пор родственники Омирбека, имеются кое-какие документальные данные о нем. Есть только одно «но» — тот ли это Омирбек? Ведь могли быть и другие лица, носящие то же, кстати, не слишком редкое среди каракалпаков, имя?

Как часто бывает в юмористическом фольклоре (ведь жил в свое время и острый на язык человек по имени Насреддин), в случае с Омирбеком произошел временно-смысловой сдвиг: его, не так давно жившего на свете весельчака, постепенно стали олицетворять с героями народного юмора, приписывать ему подходящие по характеру и смыслу поступки, выдумки, шутки.

Как и во всех других жанрах мирового фольклора, в народных юморе и сатире есть свои блуждающие сюжеты: один

и тот же анекдот можно иной раз встретить в Карелии (там его припишут Кумохе), в Молдавии (там он будет считаться собственностью Тэндалэ и Пэкалэ), в Бурятии (где есть свой очень своеобразный весельчак Будамшу). Ничего странного в этом нет — как и в наши дни, так и во все времена хорошая шутка становилась (сейчас, в эпоху радио и телевидения, — быстрее, а прежде — медленнее) общим достоянием.

Однако у каждого фольклорного персонажа непременно есть что-то свое, оригинальное, специфическое — от национального характера, от быта, от условий жизни.

Во времена Омирбека Каракалпакия была отсталой провинцией Хивинского ханства. Омирбека, как и любого бедняка, ограничивали сословные предрассудки, традиционный уклад быта, религия. Поэтому нищий и бесправный юморист смекалкой и острым словом («Ум и хитрость — оружие бедняка», — любил повторять Омирбек) боролся в меру своих сил с теми, кто наживался на чужом труде, кто жил обманом. Омирбек выступал против религиозных догм, против тех обычаев, которые помогали богатым богатеть еще больше, а бедным становиться нищими.

В народе Омирбека называют ласково и любовно «лаккы», что буквально значит «шутник». В Каракалпакии слово «лаккы» по своему значению более широко — это и насмешник, и мастер веселых проделок, и остряк.

Итак, познакомьтесь с Омирбеком, шутником из Чимбая!

Глава первая

В ОТЦОВСКОЙ ЮРТЕ И ВОЗЛЕ НЕЕ

Лучшие свои дни Омирбек, как он сам говорил, провел не во дворце Хивинского хана (ему удалось побывать и там) и не в богатых юртах Сыкмар-бая, а в своем ауле, среди друзей и родственников.

— Родная заплата дороже чужого халата, — любил повторять Омирбек.

И еще у него была одна любимая поговорка:

— Пусть меня лучше облает собака из родного аула, чем похвалит хивинский кази-раис!

Куда бы судьба ни забросила Омирбека, он всегда старался поскорее вернуться в свою юрту. В ней он родился, в ней он женился, в ней и умер. Из нее пошла по миру слава Омир-

бека, а его друзья и соседи были первыми, кто слушал его шутки, кто сохранил их, передавая из поколения в поколение.

Склонность к юмору проявилась у Омирбека очень рано. Первыми это заметили, разумеется, родители.

Отец Омирбека любил рассказывать друзьям всякие необыкновенные истории, причем так убедительно говорил, что и сам иной раз начинал верить в свои слова. Из-за этого он часто попадал в трудные положения.

Однажды собрались соседи и друзья, шутили, рассказывали о том о сем.

— А кто знает, почему возле старой кочевки Берген-бая теперь в земле большая дыра, словно оттуда вынули огромное блюдо? — спросил отец Омирбека. И так как все промолчали, он ответил сам себе: — Мне рассказывал один охотник, что там было озеро, но оно унеслось на небо. Он это видел. И его брат это видел.

Все засмеялись.

— Ну, пойми, как озеро может улететь на небо? Это же сказка!

— Озера не летают!

— Наврал тебе охотник!

— Нет, ему верю, — настаивал на своем отец Омирбека. — Я всю его семью знаю — они честные люди. Никто из них никогда не был уличен во лжи.

Поднялся горячий спор, и старейший из присутствующих предложил отцу Омирбека:

— Если ты растолкуешь нам, как улетело озеро, то мы тотчас зарежем барашка. Если не сможешь, — будешь всех нас угощать у себя три дня.

Омирбек вместе с прочей детворой вертелся возле взрослых. Когда начался спор, ему так захотелось сочной, ароматной баранины, которой давно не видели в их юрте, что он дернул отца за рукав и прошептал:

— Разрешите, ага, я им объясню!

Отец обрадовался и сказал:

— Мой сын и я — одна кровь, одно целое. Поэтому я уступаю ему свое слово. Он расскажет собравшимся здесь почтенным гостям, как может улететь на небо целое озеро. Расскажи, как в нашей степи летают озера.

— Это случилось зимой, — храбро начал Омирбек. — Была оттепель. Откуда ни возьмись — летят утки. Их столько было, что они все небо закрыли!

— Не припомню зимой такого утино перелета, — начал было возражать кто-то, но Омирбек продолжал как ни в чем не бывало:

— Утки устали, увидели озеро и опустились на него. А ночью, пока утки спали, неожиданно ударил мороз. Озеро было мелким, вода промерзла до дна, и утиные лапы вмерзли в лед. Утром утки проснулись, а лететь им нельзя — лед не пускает! Они бы дождались, пока солнце растопит лед, но в это время и появился охотник со своим братом. Утки испугались, забили крыльями, а лететь не могут. Охотник решил их забрать живыми. Утки рвутся из льда, хлопают крыльями... Рванулись раз, другой, третий — и взлетели все разом, вместе со льдом! Так и полетела ледяная лепешка с утиными крыльями над степью! А вместо озера осталась большая дыра!

Пришлось проигравшим варить барана. Понятно, что Омирбеку достался лучший кусок — каракаллаки всегда умели ценить веселую выдумку, острое слово, смекалистую мысль.

...Мать Омирбека тоже вскоре испытала на себе своеобразный склад ума сына. Она так верила в могущество аллаха, что целые дни с утра до вечера только и делала, что взывала к нему.

Омирбек много раз пытался уговорить мать поменьше обращаться к всемогущему, а побольше надеяться на себя. Но на нее это не производило никакого впечатления.

Долго думал Омирбек, как отбить у матери охоту к беспрестанному повторению «аллах, о аллах, э-э аллах, у-у аллах...». И наконец придумал.

Утром он окликнул мать.

— Чего тебе? — спросила она.

Омирбек промолчал. Мать поворчала — видно, решила, что ей послышалось, — и занялась своими делами.

А он снова ее окликнул, уже погромче.

— Чего тебе? — снова спросила мать.

Омирбек молчал.

— Тьфу! — беззлобно сплюнула мать.

Тогда он опять позвал ее.

Мать рассердилась:

— Делать тебе нечего, безобразник! Зачем меня зовешь? Покоя моего не жалеешь?!

— Вот, мама, как получается, — рассмеялся Омирбек. — Я тебя только три раза позвал, а ты уже ругаешься! А ведь ты зовешь аллаха целый день. Что, если он на тебя в конце концов рассердится? А? И найдет на нашу юрту беду?

Больше слово «аллах» с губ матери не слетало.

...Друзья и сверстники тоже довольно быстро признали за Омирбеком первенство во всяческих веселых выдумках.

Однажды Омирбек поспорил со своим постоянным товарищем Досназаром, по прозвищу Левша.

— Ты влезешь на арбу, — сказал Омирбек, — я три раза топну ногой, а ты — хочешь не хочешь — слезешь на землю.

— Только потому, что ты будешь топтать ногой? — рассмеялся Досназар. — Да ты себе ноги отобьешь, а я все буду сидеть на арбе!

— Так чего же ты боишься? Полезай!

Досназар-Левша быстро залез на арбу.

— Ну! — крикнул он. — Топай! Значит, топнешь всего три раза?

— Зачем три? — пожал плечами Омирбек. — Может, и одного раза хватит с тебя!

— Топай, топай!

Омирбек топнул ногой по земле. Досназар захохотал.

— Второй раз я топну только завтра в это же время, — сказал Омирбек... — А третий раз — послезавтра... Если и тогда не слезешь, то ты выиграл!

Досназар-Левша махнул рукой и молча спустился с арбы.

— Ну вот видишь, я же говорил, что с тебя и одного раза хватит! — рассмеялся Омирбек.

Вскоре о парнишке-шутнике из Чимбая заговорили всюду.

Один вредный старик каждый раз, когда слышал о новых шутках Омирбека, огорчался:

— Подумаешь, хвалят какого-то подростка, — ворчал он. — Да любой может сказать и сделать также!

— А вы сами поговорите с ним, тогда и решите, похож ли он на других! — советовали старику.

— С большой радостью посрамлю этого говорливого мальчишку, — согласился старик и вместе со своими друзьями пошел к юрте отца Омирбека.

Омирбек сидел на дороге, играл с приятелями в камешки.

— Почему все хвалят твой ум и твою сообразительность? — сердито спросил старик, даже не ответив на приветствие мальчиков. — Что тут особенного? Это закон жизни: чем умнее человек в молодости, тем глупее он в старости!

— Каким же тогда умным мальчиком вы были, господин мой! — восторженно воскликнул Омирбек. — Наверное, тогда никто с вами не мог сравниться!

...Как-то раз, когда Омирбек сидел возле юрты и думал о том, где ему добыть хотя бы кусок лепешки, по дороге ехало много всадников, а один из них, самый богатый, остановился и спросил:

— Скажи-ка, что у вас в ауле говорят о великом и могучем хивинском кази-раисе?

— Говорят, что он жулик, этот кази, — беззаботно ответил Омирбек, продолжая думать о лепешке, — что от него вся Хива

плачет. С бедняков он шкуру, как с баранов, спускает, а с баями пьянствует...

С каждым словом Омирбека беспокойнее вели себя жигиты — они уже начали выкрикивать какие-то угрозы, но богатый всадник величественным жестом заставил их замолчать.

— Знаешь ли ты, кто я? — спросил всадник, терпеливо выслушав Омирбека.

— Нет.

— Я и есть сам кази-раис.

У Омирбека потемнело в глазах, потому что кровожадность кази была известна далеко за пределами Хорезма. Необходимо было тотчас же найти выход, иначе жигиты могли тут же на месте изрубить его.

— А знаешь ли ты, кто я? — спросил Омирбек кази. — Я Омирбек, меня тут все знают, потому что три раза в месяц я схожу с ума. Сегодня как раз один из этих дней!

Кази рассмеялся и поскакал дальше, за ним и его свита.

Понятно, что целый месяц весь аул только и говорил о том, как Омирбеку удалось спасти свою голову. Его зазывали все юрты и по десять раз заставляли рассказывать о происшедшем.

Когда Омирбека пригласили в юрту, где жил его друг Досназар-Левша, то мать Досназара угостила мальчика катыбыламыком.

Катыбыламык — это густая похлебка из муки, что-то вроде мучной каши. Перед едой в миске с катыбыламыком делают ямку, куда наливают масло. Иногда катыбыламык подавали в больших мисках, из которых ели сразу двое, а то и трое.

И на этот раз катыбыламык был подан в большой миске. Большая ямка среди катыбыламыка была до краев наполнена маслом. Досназар решил перехитрить Омирбека, провел от ямки две глубокие канавки и произнес:

— Значит, кази-раис спросил — раз, а ты ему ответил — два?..

Все масло потекло в его сторону.

«Так мне, пожалуй, ничего и не достанется, — подумал Омирбек. — С хитрым и вести себя нужно хитро!»

И он сказал:

— А ты видал, сколько с кази было жигитов? Знаешь, как грозно они на меня смотрели? — Омирбек провел из ямки с маслом глубокую борозду к себе. — А еще у каждого была плетка-камча, а сколько сабель... — И Омирбек сделал в свою сторону еще несколько канавок, берущих начало прямо из борозды Досназара.

Все масло медленно потекло теперь в сторону Омирбека.

Досназар не остался в долгу:

— Это верно. Но ты хитро повернул все дело в свою сторону... вот так...

С этими словами Досназар сильно наклонил миску, и масло, конечно, потекло к нему.

«Э-э, а я не люблю катыбыламык без масла! — вздохнул про себя Омирбек. — Придется, видно, добиться ничьей...»

— А ты знаешь, почему я сразу не сообразил, что передо мною сам кази-раис? Потому что в тот день у меня в голове крутились и вертелись разные мысли, вот так. — И Омирбек несколько раз перемешал катыбыламык, чтобы показать, что делалось у него в голове.

— Да, видно, голова у тебя кружилась здорово, — сказал Досназар, наблюдая, как масло смешивается с кашей.

...Омирбеку нередко приходилось сталкиваться с сынками богатеев. В один из базарных дней сын бая похвалялся умением стрелять из лука.

Стрелял сын бая так метко (ведь все свое свободное время — а у богатого бездельника его было сколько угодно — он тратил на стрельбу), что люди всегда собирались смотреть, как стрелы поражают цель.

Подошел и старый торговец хлопковым маслом. С кувшином на плече он скромно стоял в некотором отдалении и молча наблюдал за забавами бездельников.

Байский сын был в ударе: он одну стрелу пустил высоко в небо, а второй стрелой расщепил ее пополам.

Зрители восторженно закричали.

А старик — торговец маслом молчал.

Байский сынок подошел к нему и спросил:

— Почему ты не радуешься? Разве я плохо стреляю? Или, может, ты стреляешь лучше? Тогда возьми лук и покажи свою меткость.

— Нет, я не умею стрелять, — ответил торговец маслом.

Друзья богатого бездельника засмеялись.

— И считаю, что особой заслуги в меткой стрельбе нет, — продолжал торговец маслом. — Каждый должен иметь сноровку в своем деле. Один стреляет из лука, другой снимает шкуру с барана, третий варит плов. Каждому свое!

— А какая у тебя сноровка? — со смехом спросил байский сынок у старого торговца. — Чем ты можешь нас удивить? Маслом?

Торговец растерялся: действительно, что он может показать окружающим?

Тогда к нему протолкался Омирбек. На ладони шутника поблескивало маленькое кольцо от старой женской серьги.

— Вот как вы, отец, можете удивить всех,— сказал Омирбек торговцу.

— Ну и ну!— засмеялись стрелки.— Чего же удивительного в обломке серьги?

Омирбек что-то тихо сказал старику торговцу, и тот, радостно закивав головой, снял с плеча свой кувшин.

Омирбек над горлышком кувшина держал в пальцах кольцо от серьги, а старик взял черпак и начал лить из него масло в кувшин.

Масло лилось сквозь кольцо тонкой, как нитка, струйкой.

Когда торговец опорожнил черпак, Омирбек с торжеством показал кольцо: оно даже не замаслилось! Вот какой тонкой и точной была струя!

— Разве это не удивительно? — сказал Омирбек притихшей толпе.

Потом обратился к стрелкам и произнес:

— Вы так сделать можете? Нет! Никогда нельзя зазнаваться, если ты что-нибудь делаешь лучше других. Всегда найдется человек, который что-нибудь делает лучше тебя!

Больше всего раздражала Омирбека несправедливость. Чем старше он становился, тем чаще он с ней сталкивался.

Однажды вечером Омирбек увидел, что возле юрты бая сидит какой-то человек.

— Почему ты не заходишь в юрту? — после обмена приветствиями спросил Омирбек пришельца.

— Боюсь,— ответил пришелец.

— Чего?

— Что бай прогневаается. Мой бычок сегодня забодал его бычка. Как об этом сказать баю? Он меня в пыль превратит.

— Не бойся!— воскликнул Омирбек.— Сиди здесь, я все улажу, помогу тебе!

Омирбек вошел к баю в юрту, почтительно поклонился хозяину и гостям. Выждав положенное время, вежливо спросил:

— Господин, ваш бычок забодал другого бычка, соседского. А сосед обижается, хочет из вашего стада взять себе нового бычка взамен погибшего... Разве это правильно?

Бай сморщил лоб и важно произнес:

— В законе сказано: «Если один бычок забодает другого до смерти, то владелец погибшего бычка ничего не получает»...

И все гости, бывшие в юрте, вознесли хвалу аллаху за его беспредельную мудрость: закон есть закон!

— Так я и передам хозяину! — Омирбек поклонился и вышел из юрты.

Затем тотчас же вернулся и произнес со вздохом:

— Япырмай! Ну и ну!

Все гости усталились на Омирбека с удивлением и любопытством, бай спросил:

— Что случилось?

— О, господин, мы ошиблись! — произнес Омирбек. — Оказалось, что чужой бычок забодал вашего бычка.

Бай сплюнул со злости.

— Но ты еще не успел передать хозяину того, что я сказал тебе?

— В том-то и беда, что передал, господин, передал все до последнего слова! Закон есть закон!

Гости запричитали, захохали.

— Такова была, видно, воля аллаха! — сказал Омирбек, выходя из юрты. — Пойду попрошу хозяина бычка, может, хоть шкуру вам отдаст... Он вроде человек добрый...

...Рассказывают, что Омирбек долго не мог найти себе жену по нраву, хотя многие девушки хотели, чтобы он стал их мужем.

Утверждают также, что перед женитьбой Омирбек совершил большое путешествие.

В общем, как всегда, когда речь заходит об Омирбеке, говорят многое и разное.

Но вот рассказ, записанный со слов самого Досназара-Левши, а значит, достоверный от первого до последнего слова.

Путешествие перед женитьбой Омирбек действительно совершил.

Когда он совсем уже было остановил свой выбор на одной из девушек, вот что произошло.

Пришел Омирбек к невесте, а та сидит одна в юрте и плачет.

— Что с тобой? — удивился Омирбек. — Если я такой страшный, не выходи за меня замуж, а плакать не надо, побереги слезы, в жизни еще пригодится каждая слезинка...

Но она продолжала плакать.

Стал Омирбек расспрашивать, в чем дело, и наконец она сказала:

— Как только я взгляну на нашу юрту, так и плачу!

— Почему?

— Э-э, разве трудно догадаться? А вдруг поднимется сильный ветер?

— Ну так что?

— Юрта упадет!

— Снова поставим!

— У-у, поздно уже будет! — Невеста заплакала еще громче. — Она наших детей прибьет! До смерти!

Омирбек даже за голову схватился: неужели невеста так глупа?

И тут же решил: не жениться на ней до тех пор, пока не найдется хотя бы трех девушек, еще более глупых.

— Тогда никто не сможет надо мною смеяться, что, мол, взял себе в жены самую глупую! — объяснил Омирбек друзьям.

...Вот так он и отправился путешествовать, отложив свадьбу до своего возвращения.

Шел куда глаза глядят. Пришел в один аул, удивился: юрты пустые стоят.

Оказалось, две сестры ссорятся, а остальные жители их пытаются рассудить.

А спор, как оказалось, зашел из-за ичиг. Купили сестры одни ичиги на двоих — были такие бедные, что на две пары денег не собрали. И договорились носить ичиги поровну. Старшая сестра уходила на целый день на работу к баю и одевала ичиги. Младшая — делать нечего! — весь день сидела босая дома и злилась.

Ночью, когда старшая сестра ложилась спать, младшая надевала ичиги — надо же износить свою долю! — и ходила вокруг юрты.

И вот когда ичиги расползлись по всем швам, а подметки прохудились, старшая сестра опять предложила купить пару ичиг на двоих и снова носить их по очереди.

Младшая сестра стала обвинять старшую, что та больше носила старые ичиги — ведь день летом длиннее ночи, — и поэтому соглашалась купить новые, но платить за них меньше, чем половину цены.

Спор разгорелся с новой силой, а Омирбек пошел дальше, довольный услышанным и увиденным.

— Да, эта гуляющая по ночам сестра глупее, чем моя невеста, — сказал он сам себе. — Теперь еще двух дур найти — и можно жениться.

...Сколько дней он шагал и где побывал, не известно. Но однажды возле какой-то юрты увидел красивую девушку.

Перед ней лежала широкая кошма, вся в дырках. А красавица продолжала вырезать в ней еще большие дыры.

— Что ты делаешь? — спросил изумленный Омирбек.

Красавица засмушалась, но потом ответила так:

— Разве ты не заметил, что кошма продырявилась? А я решила вернуть ей прежний вид и вот сижу вырезаю из нее дырки, чтоб она снова стала целой... Как еще можно избавиться от дыр?

— О, аллах, когда ты хочешь сделать кого-то глупым, твоя мудрость становится беспредельной! — воскликнул Омирбек. — Пошли мне еще одну такую встречу — и я со спокойной совестью женюсь!

И аллах услышал его призыв. Спустя некоторое время Омирбек повстречал на базаре девушку, которая купила семь больших лепешек и тут же начала их есть.

Она съела шесть, потом половину седьмой и, тяжело вздохнув, спрятала оставшийся кусок в сумку.

Сидящая рядом подруга была восхищена ее аппетитом.

— Я съела шесть, — сказала девушка-обжора, — и была такой же голодной, как перед едой. А вот съела половину седьмой, и сразу аппетит пропал. Значит, первые шесть можно было и не покупать, зря только две монеты потратила...

— А что же нужно было делать? — спросила подружка.

— Надо было купить седьмую лепешку и съесть половину, — ответила обжора. — Теперь я только так и буду делать!

— О, аллах, — сказал Омирбек, — спасибо тебе за то, что ты не оставил мою невесту без жениха!

И он поспешил домой.

...Досназар-Левша, который поклялся покоем своих родителей, что все вышеизложенное — чистая правда, сам три дня гулял на свадебном тое Омирбека.

Глава вторая

КАК ОМИРБЕК ПОЛУЧАЛ ДОЛГ

Дела семейные у Омирбека складывались трудно и тяжко: нужно было кормить семью, а для бедняка это всегда дело сложное.

После одного особенно засушливого года в юрте Омирбека стало совсем плохо. Уже было продано все, что можно было отнести на базар, а два черных ворона — голод и нищета — продолжали виться вокруг.

И другим беднякам было не легче. Встречаясь, они после взаимных приветствий сразу же спрашивали друг у друга:

— У тебя еще осталось что-нибудь на продажу?

Когда такой вопрос был задан Омирбеку, он ответил:

— У меня уже давно ничего нет. А у жены моей — сто баранов, два верблюда и пять лошадей. Одна из них — с белой звездочкой на лбу.

— Бараны? Лошади? Верблюды? — Удивлению друзей не было границ.

— Откуда?

— Почему ты молчал об этом?

— Ты уже стал заговариваться от голода, Омирбек!

— Нет-нет,— продолжал Омирбек.— Все так, как я сказал. Сто баранов, два верблюда и пять лошадей. У одной — белая звездочка на лбу. Так я написал в завещании. Когда я умру, моя жена станет их полновластной хозяйкой.

— Но у тебя ведь и курицы сейчас нет! — удивлялись друзья.

— Какое это имеет значение, раз есть завещание? — отвечал Омирбек.— Теперь мое дело — умереть как можно скорее. А уж откуда жена возьмет баранов, лошадей, верблюдов — это ее дело.

Но, как известно, одними разговорами да шутками сыт не будешь. Нужно было отгонять воронов нищеты и голода от своей юрты. И тут Омирбек вспомнил, что у него есть должник: Сыкмар-бай!

— Я два года работал у него пастухом,— сказал Омирбек,— но до сих пор не получил у него за свою работу и ломаной денежки. Пойду в его аул. Бай вернет мне долг, и мы сможем протянуть до весны.

Все, кто услышал эти слова, расхохотались, словно Омирбек произнес одну из своих самых знаменитых шуток.

Те, кто не расслышал слов Омирбека, спрашивали, в чем дело, а узнав, сами принимались хохотать. Дело в том, что Сыкмар-бай, несмотря на свои богатства, был самым скупым человеком во всем ханстве. Некоторые утверждали даже, что от Каспийского моря до самой Великой Китайской стены второго такого скупца и скряги не найти.

...Рассказывали, что один купец из Коканда, который считался самым скупым человеком в своем ханстве, услышав про Сыкмар-бая, немедленно отправился в путь, чтобы встретиться с баем и выяснить наконец, кто же из них скупее.

Сыкмар-бай пригласил гостя в юрту, усадил его на почетное место.

Начался вежливый разговор. Он тянулся, как усталый караван через Каракумы, долго и медленно.

Стало темнеть. Сыкмар-бай приказал зажечь светильник.

— Зачем? — удивился кокандец.— Мы и в темноте можем разговаривать.

И про себя радостно подумал:

«Не так уж он скуп, этот Сыкмар! Я бы никогда не зажег огня в своей юрте!»

Так за беседой, восхваляя собственную скупость, которую

они нежно называли «бережливостью» и «скромностью», и просидели до зари.

А когда в юрту просочился рассветный луч, то кокандский скупец от удивления чуть язык не проглотил: Сыкмар-бай сидел... голым!

Одежда его была аккуратно сложена рядом.

Подметив изумление на лице гостя, Сыкмар-бай сказал:

— Зачем нужна человеку одежда во тьме? Никто же меня не видит. А она и в темноте изнашивается.

Не спеша он оделся, а кокандцу ничего другого не оставалось, как признать Сыкмар-бая скупейшим из скряг и величайшим скрягой среди всех скупцов.

И у этого Омирбек решил получить долг!

Вот почему так смеялись его соседи и друзья.

Но раз Омирбек что-то решил, то он, не отступая, шел к цели.

И он направился в аул Сыкмар-бая.

— Не вернусь, пока с ним не рассчитаюсь, — сказал Омирбек, прощаясь с родными и друзьями.

Про встречи шутника Омирбека с Сыкмар-баем рассказывают много занятного.

Знакомство их произошло следующим образом.

Омирбек пошел в аул Сыкмар-бая. А по дороге навстречу ему ехал всадник. За лошадью бежал, пыхтя и отдуваясь, толстяк, держащий в руке пучок веточек.

— Почему ты бежишь? — спросил толстяка Омирбек. — Зачем тебе эти веточки?

Толстяк с сожалением поглядел вслед удаляющемуся коню и, тяжело переведя дух, сказал:

— Ты видел, как конь ударил подковой о камень и высек искру? А? Вот я и бежал за ним, думал: вдруг он еще одну искру высечет? Она бы подожгла эти сухие веточки, а они бы разожгли очаг... Но вот видишь, годы не те, уставать быстро стал... А раньше любого коня догонял.

Посмотрел Омирбек внимательно на толстяка и догадался, что перед ним сам Сыкмар-бай. Разве второго такого скупца найдешь на белом свете!

Сыкмар-бай обрадовался приходу Омирбека. Вместе с гостем пошел на базар купить что нужно для дастархана.

— Проси, чего пожелаешь, — ласково сказал бай. — И не верь, когда обо мне говорят плохо. Я так же скуп, как любой экономный хозяин! Ну, чего ты хочешь?

— Давно я не ел свежего творога, — сознался Омирбек.

— Сейчас твоё желание будет исполнено! — радостно воскликнул Сыкмар-бай. — Идем, я знаю, где продается самый лучший в округе творог!

Бай отыскал продавца творога и сказал ему:

— Это мой друг, известный шутник Омирбек! Я хочу угостить его самым лучшим творогом!

— Правильно сделал, бай-ага, что пришел ко мне, — обрадовался продавец. — Лучшего творога, чем мой, не бывает! Он как сливки!

— Как сливки? — переспросил Сыкмар-бай. — Если ты сравниваешь свой творог со сливками, то выходит, сливки лучше? А я хочу угостить моего друга Омирбека только самым лучшим, что есть на базаре. Значит, я угощаю его сливками, раз они лучше творога!

Сыкмар-бай быстро отыскал продавца сливок.

— Но мне нужны самые лучшие сливки! — предупредил бай. — Для лучшего друга я сегодня ничего не пожалею!

— Сливки у меня самые лучшие, — начал расхваливать свой товар продавец. — Жирные, как масло кунжута.

— Омирбек, ты слышишь? Я не могу позволить тебе есть какие-то сливки, когда, оказывается, есть на свете кунжутное масло. Только самое лучшее будет на нашем пиру сегодня! Кто торгует маслом?

Отыскался продавец масла.

— Мне самого лучшего масла давай! — закричал бай. — Для дорогого друга ничего не пожалею!

— Разве может быть масло лучше, чем у меня, — сказал продавец. — Прозрачное и чистое, как вода!

— Как вода?! — обрадовался бай. — Ты сравниваешь свое масло с водой? Значит, вода лучше!

И он потащил улыбающегося Омирбека к продавцу воды.

— Самой лучшей воды для моего лучшего друга! — вскричал Сыкмар-бай. — Ничего не пожалею сегодня для него!

— Моя вода — как глоток прохладного ночного воздуха! — сказал продавец. — Только попробуйте!

— Не надо воды! Убери свой грязный кувшин! — радостно провозгласил Сыкмар-бай. — Если ночной воздух лучше, то мы надышимся воздухом! Для лучшего друга ничего не пожалею! Омирбек, что может быть лучше прохладного ночного воздуха? А?

— Творог, — усмехнулся Омирбек. — Я люблю творог больше, чем воздух.

Но бай уже его не слышал: он, радостно улыбаясь, побежал с базара.

...Омирбек не любил быть людям в тягость. Поэтому он попросил бая дать ему какую-нибудь работу. Сыкмар-бай сделал его пастухом, и Омирбек два года пас тучные байские стада.

А когда пришло время рассчитываться, то Сыкмар-бай начал плакаться, что у него сейчас нет ни одной таньги и что он примет Омирбека как дорогого гостя, когда наступят хорошие времена, а пока — аллах свидетели! — он сам не знает, как свести концы с концами.

Так как год был урожайный, то Омирбек не боялся, что его семья умрет от голода.

Он плюнул на байские деньги и отправился домой.

— Как-нибудь получу свой долг! Сыкмар-бай от меня не убежит! — решил шутник. — Когда станет очень-очень плохо, когда другого выхода не останется, тогда я снова увижу его жирную рожу!

И вот этот безвыходный день наступил — Омирбек отправился получать долг.

* * *

...Толстый, лоснящийся, состоящий, казалось, из одного курдючного жира, Сыкмар-бай не был ни простаком, ни глупцом.

Просто он жил своим собственным законом: что мое, то только мое, и ничье больше.

Поэтому он всегда оставался глух к просьбам о помощи, к разговорам о законах гостеприимства, даже к обычаям предков, разумеется, за исключением тех случаев, когда из них можно было извлечь для себя пользу.

В его юрте не готовили никакой еды для гостей и приезжих. Сам бай всегда успевал поесть вкусно, сытно и, самое главное, незаметно для других. А гости, путники, даже близкие родичи сидели голодными в большой юрте. И что было толку от того, что сидели они на почетных местах, если животы у них были пусты!

Омирбек пришел к Сыкмар-баю вечером и напрасно ждал угощения.

Никаких признаков еды не было видно. Намеки не помогали: хозяин притворился, что он их не слышит.

— Господин, где же я буду спать после того, как ты накормишь меня? — наконец спросил Омирбек.

Сыкмар-бай, не смущаясь, ответил:

— Ложись вон там, да не забывай: кто спит на земле, тот видит хорошие сны. А кто спит, тот ест. Разве эта мудрость тебе неизвестна?

— Да снизойдет на тебя благословение аллаха, мой так-сыр,— поклонился Омирбек.— Ты сказал великие слова!

Омирбек стал ждать, когда Сыкмар-бай уснет. Но тот ворочался, пыхтел.

Омирбек начал слегка постанывать.

— Что с тобою? — спросил бай.

— Да голове низко,— ответил Омирбек.— Дай две лепешки подложить под голову, а то не усну...

— И мне не спится,— проговорил со вздохом бай.— Давай поговорим о чем-нибудь возвышенном, небесном.

«Тьфу, старый козел! — про себя выругался Омирбек.— Мне-то как раз нужно, чтобы ты заснул! Хорошо, я тебя сейчас усыплю!»

А вслух сказал:

— Аллах лишает тебя сна за грехи. Отдай мне долг и сразу же заснешь.

— Хе-хе-гм,— проворчал Сыкмар-бай.— Кажется, я и так уже засыпаю...— И он притворно захрапел.

Омирбек выждал момент, когда бай перестал храпеть и начал ворочаться.

— Так как же насчет долга? — спросил Омирбек.

— Ой-бей! — простонал Сыкмар-бай и снова захрапел.

Так продолжалось несколько раз. Наконец, устав от попыток изобразить сон, бай по-настоящему заснул.

И тогда Омирбек, взяв свою толстую остроконечную палку-посох, тихо выбрался из юрты.

На него бросилась собака. Не дожидаясь, пока она его укусит, Омирбек так поддел собаку палкой, что она тут же упала замертво.

Другие, продолжая лаять, почтительно отбежали в сторону.

— Острую палку уважают даже собаки скряги! — усмехнулся Омирбек.

Он быстро обшарил все вокруг и отыскал в соседней скромной юрте остатки богатой байской еды — котел еще теплого риса, жареное мясо, мягкие лепешки. Судя по тому, что еда была спрятана весьма старательно, Сыкмар-бай решил прибереечь ее на завтра.

Омирбек плотно поел, а все, что осталось, отдал голодным псам, чем заслужил их вечную дружбу.

Потом он вернулся в гостевую юрту, лег на свое место, погладил живот и сладко заснул.

Его разбудил гневный вопль Сыкмар-бая:

— Омирбек! Как ты посмел съесть мою еду, нечестивец?

Омирбек протер глаза, долго недоуменно крутил головой, а потом воскликнул:

— О, хвала аллаху! Воистину аллах велик! Значит, это был не сон? А я-то думал, что мне снится, будто я нашел спрятанную вами от гостей еду и наелся вдоволь! Я ел только потому, что думал это сон! Разве наяву я себе бы такое позволил, господин? Но вы сами говорили о хороших снах, которые я увижу здесь, про то, что кто спит, тот ест! Вы же говорили так?

— Ой-бой! Мало ли что может сказать несчастный человек, которого все обижают,— застонал толстый бай.— Зачем ты убил мою собаку, если ты думал, что видишь сон?

— А я и во сне не люблю, когда меня кусают.

— Не мог ее ударить тупым концом палки?

— Но она хотела укусить меня не хвостом, а зубами!— усмехнулся Омирбек.

— Тьфу! — сплюнул в сердцах Сыкмар-бай.— Нужно было еще вчера спросить, зачем ты пришел, и отправить тебя домой! А я оставил ночевать!

— Я тотчас же уйду, если вы вернете мне то, что должны,— сказал Омирбек.— Два года я пас ваше стадо, но вы не дали мне за это ни одной таньги!

— И не дам! — заколыхался всем телом бай.— Мало того, что ты объел меня, я еще и платить тебе должен? Ни одной таньги, ни половины таньги, ни трети таньги ты от меня не получишь, нищий шут!

— Тогда я останусь жить у вас до лучших времен,— сказал Омирбек.

— Но кормить я тебя не буду!

— Все равно где умирать от голода — в своей юрте или в байской! — усмехнулся Омирбек.— Здесь по крайней мере снятся сытные сны!

— Ну, пеняй на себя! — рассвирепел бай.

Он думал так:

«Выгнать с помощью слуг Омирбека из юрты я могу, но вся степь будет знать, что я не мог справиться с Омирбеком с помощью ума и поэтому прибегнул к силе. Меня будут считать глупцом, а это во сто раз хуже, чем прослыть богатым скрягой... Пусть этот нищий живет сколько хочет, а я не буду его ни поить, ни кормить. Пусть он высохнет тут, как саксаул, пусть превратится в кусок вяленых жил, в горсть костей...»

Так Сыкмар-бай оставил Омирбека в своей юрте.

...Узнав, что шутник Омирбек пытается получить от скряги деньги, многие любопытные богачи приехали к Сыкмар-баю, чтобы посмотреть, чем же кончится дело.

— Еще никто не получал от Сыкмар-бая и рисового зерна,— говорили они.— А долг пастуху Омирбеку он никогда не заплатит!

— Если Омирбек сумеет получить свои деньги, это будет чудом!

— Тогда этот год будет называться «годом, когда Омирбек заставил раскошелиться Сыкмар-бая»!

— Или, наоборот, «годом, когда Омирбек не сумел получить денег от Сыкмар-бая»!

Сыкмар-бай, слушая эти разговоры, бесился от жадности, ругал себя — нужно было сразу заплатить несколько монет Омирбеку, и дело с концом! А теперь приходится — хочешь-не хочешь — кормить целую ораву гостей! Какие убытки! Но приехали такие знатные бай, что их нельзя не усадить за дастархан!

Омирбек только улыбался, когда прибывали гости, а лицо Сыкмар-бая грустнело.

— Так ему, жирному скряге! — говорили пастухи и работники. — Другой раз будет платить долги вовремя!

Сыкмар-бай не оставлял попыток посрамить Омирбека и всячески пытался при гостях показать свой ум.

Сыкмар-бай провел по земле черту и сказал:

— Омирбек! Сделай эту линию меньше, но не стирай ее и не зачеркивай!

— Э-э, я могу ее сделать короче, даже не прикасаясь к ней! — ответил Омирбек.

Все, кто присутствовал при этом споре, вытянули шеи, стараясь рассмотреть, что же придумал шутник.

А он провел рядом с чертой Сыкмар-бая другую черту — длинную — и сказал баю:

— Посмотри, вот теперь твоя линия стала короче, меньше! Хотя я к ней и не прикасался!

...В другой раз Сыкмар-бай кормил гостей пловом, и Омирбек не отставал от всех едоков.

Толстый скряга решил оскорбить шутника: взял пригоршню плова и дал ее ишаку.

Ишак, конечно, отвернулся.

— Омирбек, вот ты ешь плов, а от него отказываются даже ишаки! — громко сказал Сыкмар-бай.

— Правильно! Нужно быть ишаком, чтобы отказываться от такой еды! — ответил Омирбек.

В это время вошел в юрту барашек и принялся жевать полу омирбековского чапана.

Омирбек засмеялся, а Сыкмар-бай, удивленно взглянув на него, спросил с ехидством:

— Чему смеешься? Может, ты уже забыл по своей бедности, как выглядит баран?

— Баранов я и сейчас вижу достаточно. — ответил Омирбек. — Но я удивляюсь, каких только чудес не бывает на свете! Ведь обычно гость есть барашка, а у тебя барашки едят гостей!

Последнее слово всегда оставалось за Омирбеком, но Сыкмар-бай все же старался при любом случае поддеть шутника.

...— Чудной сон приснился мне сегодня. — как-то утром произнес Сыкмар-бай.

Все заинтересовались, что же он видел во сне.

— Будто я и Омирбек летали в небе, как птицы. — охотно сказал бай. — Потом за нами погнался орел, и мы оба упали на землю... Я свалился в яму с медом, а Омирбек — в яму с отбросами.

— Чудо! Слава аллаху, сотворившему это чудо! — закричал Омирбек. — Я видел точно такой же сон! Но ты забыл рассказать, что было дальше!

— Что? — удивился бай.

— Ну как же ты не помнишь? Мы выбрались из ям, и я стал облизывать тебя, а ты — меня!

...Еще через несколько дней Омирбеку надоела эта мелочная возня, он рассердился — время шло, а Сыкмар-бай по-прежнему не платил долга! — и решил, что пора проучить скрягу.

— Он не только мне заплатит, но еще станет посмешищем на все ханство, — сказал Омирбек друзьям. — Но вы должны помочь мне.

На другой день незнакомый и хорошо одетый жигит подсккал к юрте Сыкмар-бая. После положенных приветствий попросил скрягу о беседе наедине.

— Всем известна ваша бережливость, господин. — сказал жигит, когда остался с глазу на глаз с Сыкмар-баем. — Я не знаю ни одного человека во всем Хивинском ханстве, который бы был менее расточителен, чем вы. Аллаху было угодно призвать к себе моего отца, Джавдат-бия, и мне осталось небольшое наследство.

— Сколько? — предчувствуя наживу, спросил Сыкмар-бай.

— Немного... Две тысячи золотых монет.

— И что же ты хочешь с ними делать, о достойнейший сын Джавдат-бия? — заискивающе произнес Сыкмар-бай.

— Я уезжаю путешествовать. А деньги эти решил оставить вам на хранение. Знаю, что из них не будет потрачена ни одна тилля!

— Мудрое решение! Сам аллах надоумил тебя! — воскликнул Сыкмар-бай.

И в это время в юрту вошел Омирбек.

Увидев его, скряга недовольно произнес:

— Потом, потом, я занят.

— Ты каждый день говоришь «потом-потом», — проговорил Омирбек. — Сколько дней прошло? Я вот сяду здесь и не уйду, пока ты не отдашь мне моих ста золотых.

— Какие сто золотых? Ты с ума сошел! — закричал Сыкмар-бай. — Я тебе должен всего три монеты!

— Э-э, нехорошо, — покачал головой Омирбек. — Зачем обманываешь?

— Что случилось, господин? — забеспокоился жигит. — Почему вы не хотите отдать деньги этому человеку?

Сыкмар-бай растерялся. Он понимал, что если Омирбек сейчас же не уйдет, то сорвется большая сделка — две тысячи золотых! Но отдавать этому обманщику Омирбеку ни за что ни про что сто золотых — от такого огорчения заболеть можно! Впрочем, ведь потом можно будет доказать, что Омирбек обманщик, и получить золото назад.

— Я оставил этому уважаемому человеку, — тем временем рассказывал жигиту Омирбек, — сто золотых монет. Он сохранил их для меня, но вот никак не может отдать. Вы, почтенный, тоже хотите оставить ему деньги?

— Вот тебе сто монет, — доставая из сундука мешочек с золотыми, простонал Сыкмар-бай, — и уходи...

Омирбек поклонился и вышел из юрты.

— Хорошо, — сказал жигит, — завтра утром я приду с деньгами.

— А сегодня вечером я приглашаю вас попробовать молодого барашка, — сказал как можно радушнее Сыкмар-бай.

И вздохнул про себя: «На что только не пойдешь ради двух тысяч монет!»

Вечером, за пловом, Сыкмар-бай решил сделать еще одну попытку посмеяться над Омирбеком. По его расчетам выходило, что Омирбек непременно станет посмешищем и спастись ему на этот раз уж никак не удастся.

Выдумка была проста: Сыкмар-бай попросил своих гостей приходить в юрту не сразу, а поодиночке. А Омирбека он повел в юрту первым и усадил на почетное место. Когда же по очереди входили байские приятели, то Сыкмар-бай говорил им:

— Садитесь выше Омирбека!

И они садились туда, куда им указывал хозяин, а Омирбек — по кругу — все дальше и дальше отодвигался от почетного места, пересаживаясь все ближе и ближе к выходу из юрты.

Сыкмар-бай был очень весел: Омирбека должны вот-вот вытеснить из юрты на улицу!

Но Омирбек сам, улучив момент, выскользнул на улицу. Он забежал в юрту одного из недавно приехавших родственников бая, переоделся, прикрепил седую бороду и вернулся в большую юрту.

— Садитесь сюда, ага!—сказал Сыкмар-бай, увидев незнакомого аксакала и приглашая его на почетное место.

И Омирбек сел туда, где он сидел вначале.

Дождавшись, когда все гости уселись за дастархан, Омирбек сорвал с себя шапку, седую бороду. Изумленный Сыкмар-бай только охнул, и шутник сказал:

— Если кто-нибудь занимает место по праву, то никакой хитростью его оттуда не уберешь! И не забудь, почтенный Сыкмар-бай, веселье еще впереди!

Когда барашек был уже съеден, кто-то попросил Омирбека рассказать самую смешную историю, какую он знает.

И Омирбек рассказал, как он сегодня заставил Сыкмар-бая заплатить все свои долги ему, Омирбеку, и другим пастухам и работникам.

— Нам лишних денег не нужно,—сказал Омирбек.—Каждый взял столько, сколько ты был ему должен. Вот тебе обратно десять золотых, которые у меня остались...

— А как же... две тысячи монет? — все еще не веря в случившееся, проговорил Сыкмар-бай. И он обратился к сыну Джавдат-бия:—Ты же их привезешь завтра?

— Я решил не давать тебе их на хранение,—сказал жигит.

— Почему? — ужаснулся Сыкмар-бай.

— Причин много,—улыбнулся жигит.—Но хватит и одной: у меня за душой нет и половинки золотой монеты! Я такой же бедняк, как Омирбек! Я его друг Досназар по прозвищу Левша!

Сыкмар-бай не мог простить Омирбеку своего позора и долго искал случая, чтобы отомстить: в конце концов он послал одного из своих родственников ко двору самого Хивинского хана, к светлейшему и могущественнейшему кази, высшему духовному сановнику в ханстве, с подарком —мешком серебряных монет. А на словах родственник должен был передать, что известный шутник Омирбек говорит про наместника аллаха на земле — великого хана Хивы — разные нехорошие слова, и про гарем хана рассказывает всякие непристойные шутки, и даже над самим аллахом смеется и других смеяться заставляет.

И когда по хорезмской дороге мимо юрты Сыкмар-бая проскакали стражники хана, то бай-скряга радостно улыбнулся — не иначе как за Омирбеком!

Он не ошибся: Омирбек был силой привезен во дворец хана Хивинского...

Глава третья

ОМИРБЕК ПРИ ДВОРЕ ХАНА

Как встретился владетель Хорезма, хан Хивинский, с шутником Омирбеком, рассказывают по-разному.

Что правда, что нет — разве теперь разберешь?

Но то, что Омирбек остался цел и невредим, конечно, можно считать чудом. Так многие и говорили:

— Аллах спас нашего Омеке от хана и его палачей!

Говорить-то говорили, но не забывали, что аллах аллахом, а острый ум Омирбека и его природная смекалка тоже кое-чего стоят!

Когда Омирбека везли в Хиву, он по дороге все вспоминал: эх, знать бы, какие из его шуток о хане известны хану, а какие — нет? Все легче было бы!

...Спросили однажды Омирбека:

— Как ты думаешь, каков собою великий повелитель Хорезма?

— Говорят, у него уши на ногах, — ответил Омирбек.

— Откуда ты это взял?

— А как же! Рассказывают, что если просто так с ним разговаривать, то он ничего не слышит. Только когда к ногам кинешься, тогда и услышит. Значит, он слышит ногами!

В другой раз Омирбека спросили:

— Как сосчитать число друзей у влaстителя Хорезма?

— Э-э, сейчас их считать без толку, — ответил Омирбек. —

Вот когда он лишится власти, тогда друзей и видно будет...

...Омирбек всю дорогу гадал да прикидывал, как ему придется в Хиве, а потом махнул рукой — будь что будет!

Неизвестно, как пошли бы дела Омирбека при дворе, но в тот день, когда шутника доставили во дворец, могущественный кази — высший духовный сановник Хивинского ханства — находился в большой тревоге. Угроза смерти нависла над его единственным братом.

Дело в том, что десять дней назад заболел любимый конь хана.

Хан приказал:

— Лечите его, как хотите, но если я услышу от кого-нибудь слова «конь издох», то не только отрублю голову принесшему известие, но и весь его род обезглавлю!

А утром конь издох.

За конем смотрел и каждый день лично сообщал о его здоровье хану родной брат кази.

Сегодня с утра брат уже чувствовал, как его голова постепенно отделяется от тела: приближался час, когда хан спросит о коне...

Кази растерялся, не мог ничего придумать. Ни одна спасительная мысль не приходила в голову.

И в это мгновение ему доложили, что в Хиву доставлен оскорбитель хана и святой веры Омирбек.

— Сам аллах посылает нам этого нечестивца! — радостно воскликнул кази. — Немедленно приведите его ко мне!

И Омирбек оказался в покоях кази.

Он выслушал рассказ про издохшего коня и улыбнулся:

— Я помогу! Нет ничего легче. Когда хан вас позовет, возьмите меня с собой! И говорить про коня буду я!

Когда Омирбек предстал пред очами великого хана, то кази сказал повелителю правоверных, что это один из врачей-лечителей, которых пригласили к коню.

— Как чувствует себя мой конь? Лучше ли ему? — спросил хан Омирбека.

— Думаю, что лучше, — уклончиво ответил Омирбек. — Но аппетит у него пропал. Не ест и не пьет.

— Почему?

— Вероятно, потому, что неудобно пить и есть, когда лежишь на боку, раскинув ноги.

— На боку? — удивился хан. — Что с ним случилось?

— Скорее всего он дал обет воздержания от пищи и воды. Это же очень умный конь, выросший во дворце.

— Что за чудеса! — удивился хан. — Ведите меня, я хочу сам все увидеть!

Хан, кази, брат кази, Омирбек и придворные направились к конюшне.

Взглянув на мертвого коня, хан разгневался:

— Почему вы сразу не сказали, что конь издох, а заставили меня идти сюда?

— Владыка правоверных! — поклонился хану Омирбек. — Но ведь вы сами приказали: «Кто произнесет слова «конь издох», у того слетит голова с плеч». Никто из ваших верных слуг не решился расстаться с головой, и вы первый сказали «конь издох».

Хан внимательно посмотрел на Омирбека и произнес:

— Теперь я понимаю, почему ты появился во дворце. Мои приближенные не знали, как мне сообщить о мертвом коне, и позвали тебя. Не Омирбек ли ты? Отныне будешь жить при мне!

Вскоре Омирбеку снова пришлось выручать придворных. Однажды во двор, где хан обычно принимал гостей и который был заполнен ожидающими, вбежали двое слуг.

Один объявил:

— Правoverные! Плачьте! Скончался любимый брат великого хана!

— Правoverные! Радуйтесь! — объявил второй слуга. — По милости аллаха сегодня у нашего великого хана родился сын!

Придворные растерялись: сейчас выйдет хан, нужно изобразить на лицах печаль или радость... Так что же делать — плакать или смеяться? Рождение сына — радость, большая радость, а смерть брата, которого хан любил, как самого себя, — это горе... Как отгадать, что будет более по душе хану?

Одни говорили: будем радоваться и смеяться.

Другие настаивали: нет, нужно быть грустными, плакать. Кази сказал:

— Чего мы гадаем? Спросим у Омирбека.

— Спокойно ждите выхода хана, — посоветовал Омирбек. — Если он выйдет веселым — начинайте смеяться. Если грустным — плачьте.

— Как быстро ты постиг премудрости придворной жизни! — воскликнул кази.

— В них нет ничего сложного, — ответил Омирбек. — Каждый раз, когда приходится вползать в шкуру придворного, я твержу себе: «Омеке, ты сейчас не человек, а хитрая тварь, которая заботится только о своей жизни и своем благополучии». Повторю так про себя раз десять, и тогда все становится легким.

...Однажды один из придворных закашлялся. Все бы ничего, но он начал кашлять, когда хан спросил его о чем-то.

Хан был в плохом настроении и прогнал кашлюна со своих глаз, запретив вообще появляться во дворце.

Остальные придворные, среди которых особенно старались друзья и родственники изгнанного, громко восхваляли хана и возмущались поведением своего недавнего друга и родича.

Через несколько дней изгнанный придворный прислал слугу своего за Омирбеком.

— Мой хозяин — ростовщик, — объяснил Омирбеку слуга. — Его боятся только потому, что он приближен к хану. А теперь, когда все узнали, что он выгнан из дворца, его дела пошли плохо. Помоги нам, Омирбек, верни ростовщика во дворец, но за это возьми с него столько денег, чтобы хоть са-

мые бедные из его должников смогли расплатиться с этим кровопийцей. Помоги, Омирбек!

Омирбек пошел к ростовщику, и после долгих торгов они сговорились. Ростовщик должен был оплачивать все расходы Омирбека, а кроме того, если дело удастся и хан сменит гнев на милость, Омирбек получает расписки сорока самых бедных должников.

— А уж что ты будешь делать с этими должниками, не моя забота, — сказал ростовщик.

— Приготовь мне имена тех сорока, кого нужно будет выручить, — уходя, сказал Омирбек слуге ростовщика. — Не пройдет и недели, как хан снова призовет своего верного слугу во дворец.

На базаре Омирбек разыскал золотых дел мастера и сделал ему необычайный заказ: нужно было вычеканить из золота початок джугары, а вместо зерен вставить в него мелкие жемчужины.

— И чтоб этот початок джугары на первый взгляд нельзя было отличить от обычного! — сказал Омирбек.

Через три дня заказ был готов. Мастер выполнил все пожелания заказчика.

Омирбек явился к хану и показал ему початок.

— Почему он такой тяжелый? — спросил хан и принялся рассматривать золотую джугару. — О-о, где ты достал его? Это же чудо из чудес!

— Повелитель правоверных, початок мне привез купец из Персии. Самое чудесное то, что эти зерна — жемчуг, нужно сеять как зерна самой обычной джугары — в землю. И они дадут такой же драгоценный урожай!

У хана от жадности глаза загорелись.

— Повелеваю тебе посеять джугару!

— С большой радостью, великий хан, — поклонился Омирбек. — Но, как всегда при всяких чудесных делах, и тут тоже есть свои условия...

— Какие?

— Эти семена только тогда дадут урожай, если их будет сеять человек, который в жизни ни разу не кашлял. При вашем дворе много таких. Стоит вам приказать, они быстро сыщутся!

— Найти такого человека легко, — сказал уверенно хан и созвал всех придворных.

— Но если он хоть раз в жизни кашлянул, то ничего не выйдет, — напомнил Омирбек.

— Кто же из вас может посеять волшебную джугару? — спросил хан, оглядывая толпу придворных. — Если она не взойдет — голову сниму!

Все молчали и поглядывали друг на друга.

После того как хан спросил во второй раз, а потом и в третий, к ногам повелителя Хивы упал кази и сказал:

— О мудрейший из великих! Мы все готовы отдать тебе свои головы. Наша жизнь принадлежит аллаху и тебе! Но среди всех людей, живущих на земле, не найдется ни одного, который хоть раз не кашлянул бы.

— Да, припоминаю, — молвил хан, — и я кашлял... когда-то в детстве.

— Зачем же тогда наказывать того, кто случайно закашлялся? — спросил Омирбек.

Хан подозрительно посмотрел на Омирбека, но шутник спокойно выдержал его взгляд. Изгнанному ростовщику разрешено было снова бывать при дворе.

А Омирбек собственноручно уничтожил расписки сорока самых бедных должников.

...Хан очень любил, когда ему на ночь что-нибудь рассказывали. Веселые истории очень ему нравились, и он заставлял Омирбека каждый вечер придумывать все новые и новые шутки.

Особенно хан любил длинные сказки. Только Омирбек замолкал, хан тотчас же приказывал:

— Дальше... Что было дальше?

Это так надоело Омирбеку, что он решил избавиться от обязанностей сказителя.

Очередную историю он начал так:

— У одного уважаемого муллы мак хранился в большом глиняном сосуде. Крышка у сосуда была такая плотная, что и комару внутри не пролететь. Но однажды от старости или по какой другой причине глина треснула. Тоненькая родилась трещинка, но одному комару пробраться уже можно. Комар прилетел, схватил маковое зерно и улетел. Как известно, наши чимбайские комары очень любят мак, а почему — никто не знает. Прилетел комар в тугай с маковым зерном. Другие комары это увидели, им завидно стало. Полетели, нашли треснувший сосуд с маком. Второй комар вытащил маковое зерно и полетел в тугай. Потом третий комар пролез сквозь трещину...

Так Омирбек добрался до сорокового комара.

Хан сердито-сердито молвил:

— Это я уже слышал, а что было дальше?

— Дальше? Дальше был сорок первый комар. Он подлетел к трещине, взял маковое зерно...

— Что было дальше?!

— Дальше? Сорок второй комар...

— Ну, а чем это все кончится? — закричал потерявший терпение хан.

— До конца еще далеко. Сначала комары перетащат весь мак по одному зернышку в тугай...

— А большой был этот сосуд с маком?

— С юрту.

— Уходи, не хочу больше тебя слушать! — сказал хан. — А еще говорят, что Омирбек никогда не рассказывает скучно. Хватит!

— Слушаюсь, великий хан! — И довольный Омирбек пошел спать.

...Любил хан задавать всякие коварные вопросы своим придворным. Например:

— Почему у ишаков и зайцев уши длинные?

Когда такой вопрос был задан Омирбеку, он тут же придумал сказку.

— Когда аллах создал мир и всех животных, то у ишака и зайца были самые обычные маленькие уши. Но создать мир — это полдела, нужно всему и всем дать имена. Аллах трудился день и ночь, давая имена львам, слонам, тиграм, собакам, мухам и змеям. Дал он имена и зайцу с ишаком, но ишак в этот момент увидел молоденькую ишачиху и уже ни о чем думать, кроме нее, не мог и, кроме нежного ее «иа-иа», ничего не слышал. А заяц бегал в степи, слова аллаха пропустил мимо ушей.

Когда аллах закончил свои дела и уже ложился спать, заяц с ишаком спохватились и пришли выпрашивать себе имена.

— Так я уже назвал вас, — удивился аллах. — Где вы были в это время? Нет, повторять я ничего не буду, живите без имен.

Но ишак и заяц так слезно молили аллаха, что всемогущий разжалобился:

— Ты ишак, а ты заяц. И уходите, не мешайте мне отдыхать!

Ишак и заяц разбежались в разные стороны, каждый по своим делам.

Но как на грех заяц встретил шакала и так испугался, что даже имя свое забыл.

А ишак снова начал думать о молоденькой ишачихе. Когда он про нее думал, то забывал обо всем на свете, мог часами

стоять посреди дороги или лежать в траве, и никакая сила не могла его сдвинуть с места.

Через несколько дней ишак и заяц снова вернулись к аллаху, чтобы он напомнил им их имена.

Тогда аллах рассердился:

— В третий раз говорю: ты ишак, ишак, ишак!

И, приговаривая эти слова, аллах потянул ишака за уши. Они вытянулись, стали такими, какими вы их сейчас видите.

Так же было и с зайцем: того аллах вообще ухватил сначала за одно ухо, а потом и за другое.

От этого у некоторых зайцев до сих пор одно ухо длиннее другого.

...Чего только Омирбеку не приходилось на своем веку придумывать, даже святых. Но и сам он однажды чуть не стал святым, однако сумел спасти свою голову.

Хан как-то раз спросил Омирбека:

— Кто более велик: святой или вера в него?

— О мудрейший из справедливейших, — поклонился Омирбек. — Конечно, вера.

— Но, если бы не было святых, разве существовала бы вера? — удивился хан. — На этот раз ты ошибаешься, Омирбек!

— Нет, о справедливейший из мудрейших, мы сами придумываем себе святых и пророков, начинаем верить в них и забываем о том, что мы их сами придумали.

— Не хочешь ли ты сказать, что святые люди и пророки — это лишь выдумка? — ужаснулся хан.

— Они родились из нашей веры, — уточнил Омирбек. — Вера — их мать и отец.

При этом разговоре присутствовали ученые, приехавшие по приглашению хана из Коканда, Бухары и Самарканда. Только им и обязан был Омирбек сохранением своей жизни — в другое время хан не потерпел бы возражений и произнес бы свои любимые слова: «Убрать недостойную голову с плеч этого достойнейшего».

Но тут хан вынужден был притвориться покровителем наук и даже возражения Омирбека выслушивал с улыбкой.

— Мы, мусульмане, поклоняемся аллаху и его пророку, но ведь не пророк, а сам аллах посылает нам благоденствие, — вновь заговорил Омирбек. — Значит, хоть слава пророка велика, но вера в аллаха еще выше.

— Ты можешь это доказать? — спросил хан. — Иначе...

— Не продолжай, о справедливейший из владык, — поклонился Омирбек. — Я понял... Пока наши ученые гости, сосуды

мудрости и знаний, будут жить у нас, я докажу свою правоту. Если, конечно, мне выдадут на расходы сто монет.

Хан милостиво согласился, и казначей передал Омирбеку мешочек с деньгами.

...На следующий день Омирбек, взяв свои рваные сапоги, вышел из дворца. За городом закопал сапоги в песок, засунув в них записку:

«Сапоги Омирбека из Чимбая».

Затем он насыпал небольшой холмик и положил сверху три камня. Чем не могила?

На базаре приятели Омирбека познакомили его с дряхлым муллой, который давно бедствовал и согласен был на все.

— Я стал уже никому не нужен, — шепелявил мулла. — За свою жизнь я создал три мазара, а вот теперь ем сухие лепешки, размачивая их в арыке.

— Создашь четвертый мазар и получишь большие деньги, — сказал ему Омирбек. — Но делай только то, что я тебе буду говорить.

— Аллах послал тебя мне за мои молитвы! — запричитал старый мулла.

Он готов был молиться на кого угодно, лишь бы ему за это платили.

Омирбек отвел его на могилу своих сапог.

— Здесь ты будешь молиться и принимать приношения, — сказал Омирбек. — Здесь начнешь строить мазар святого Диншаха. Чем знаменит Диншах? Возле его могилы в песке появляются монеты... Но найти их, да и то не всегда, может только тот, кто верит в Диншаха и провел возле его могилы не меньше десяти дней... Понял, почтеннейший?

— Понял, понял... — затряс бородашкой мулла. — Но откуда тут будут появляться деньги? Не из песка же?

Омирбек потряс мешочком с монетами над ухом муллы.

— Вай, я уже слышу голос святого Диншаха! — заголосил старик. — Когда звенят деньги, я готов поверить в любое чудо! Кто же будет закапывать их в песок: ты, достойнейший, или я, недостойный?

И в глазах муллы сверкнули алчные огоньки.

— Я привык творить чудеса сам, — сказал Омирбек. — А твоё дело — молиться! Вот две монеты, чтобы ты не умер от голода. И не отлучайся отсюда ни на шаг. Если будешь делать все, как я тебе говорю, получишь через месяц пятьдесят золотых!

— Буду, буду, буду! — Мулла бросился на песок и стал отбивать поклоны Омирбеку.

...Уже через день Омирбек услышал, что святого Диншаха растерзали неверные. Оказывается, святой хаджи Диншах предпочел расстаться с жизнью, чем изменить вере. И аллах сотворил чудо: капли крови святого, упавшие на песок, превращаются в монеты. И с той поры каждый год монеты появляются в песке на могиле Диншаха в месяц его смерти.

Через неделю старый мулла уже не мог управиться с потоком подношений и нанял себе двух слугителей помоложе. Каменщики приступили к строительству мазара над могилой святого.

Через две недели мазар уже был выведен, и толпы верующих копались вокруг в песке. Иной раз (если ночью накануне здесь прогуливался Омирбек) находились и монеты.

Какой шум тогда поднимался! И сразу же шла молва, что не один и не два человека нашли по одной монете, а сто человек отыскали по сто монет каждый.

Слава о Диншахе разнеслась по всей Хиве, по всему Хорезму.

Кое-кто из придворных побывал у мазара и, захлебываясь от восторга, рассказывал другим о тамошних чудесах.

Наконец, сам хан изъявил желание осмотреть мазар.

Отправились всем двором. Поехал и Омирбек — как раз миновал месяц с того дня, когда он поспорил с шахом.

Ученые, самаркандские, бухарские, кокандские, приезжали, удивлялись: откуда этот Диншах появился? Вроде бы нет о нем упоминаний в книгах... Или где-то что-то было?

А возле мазара уже шумел базар и колыхалась огромная толпа.

Хан и придворные, а за ними и ученые стали на колени перед мазаром. Только Омирбек остался стоять.

— Почему не кланяешься? — спросил хан.

— Если я сейчас поклонюсь, о повелитель правоверных, то вам придется признать, что я был прав, — сказал Омирбек. — Вера превыше всех святых.

Хан разгневался:

— А как ты докажешь это?! Вон сколько людей стоят на коленях перед святым! А ты, нечестивец, все еще упорствуешь! Сколько чудес сотворил Диншах! А ты упрямисься! Прошел месяц со дня нашего спора. И я сейчас прикажу палачу отрубить тебе здесь же, не сходя с места, голову и сделаю тебя святым Омирбеком. Ты будешь возлежать рядом с самим Диншахом. Мечтал ты когда-нибудь о такой чести?

— Лучше я буду нищим на этом свете, чем святым на том, — ответил Омирбек.

— Тогда доказывай свою правоту немедленно! — приказал хан. — А то поздно будет!

— Святой Диншах! — сказал Омирбек, падая на колени. — Даю обет: если я сегодня останусь жив, то уйду из дворца в свой аул.

— А-а, и ты поверил в силу святого Диншаха! — засмеялся хан. — Но это тебя не спасет! Эй, палач!

Палач уже стоял тут как тут — у него были старые счета с Омирбеком, и он дожидаться не мог, когда отделит ему голову от туловища.

— Разрубить меня вы всегда успеете, повелитель правых, — спокойно сказал Омирбек и встал с колен. — А пока посмотрите на мое доказательство...

И он попросил старого муллу раскопать могилу Диншаха.

Придворные возмутились, но хан, предвкушая казнь, был в хорошем настроении и махнул рукой: копайте.

Раздались крики удивления, когда старый мулла поднес хану два старых сапога.

— Там... больше ничего не было, о повелитель! — пробормотал он испуганно.

— Это мои сапоги, — сказал Омирбек. — В них и записка моя лежит. Вот она — смотрите! И весь тут святой Диншах! Я закопал сапоги месяц назад, нанял этого старика молиться, ну а остальное... Да что говорить — забитый и нищий поверит во что угодно, хоть в двухсапожного Диншаха! И если моим сапогам кланяются ученые и — о мудрейший! — даже сам великий хан, то ясно: святого я могу вам сделать из чего угодно — была бы вера!

— Если даже в меня не будут верить, — грозно сказал хан, — то будут бояться, а это тоже чего-нибудь стоит. Я отпускаю тебя, Омирбек. Поезжай к себе и служи нам так же верно!

И грустный палач, вздохнув, отошел в сторону.

А радостный Омирбек тотчас же скрылся в толпе.

Глава четвертая

СНОВА ДОМА

Омирбек боялся, что милость хана всего-навсего уловка и властитель Хивы захочет рассчитаться с ним за дерзости и споры.

Поэтому шутник добирался к себе в родной аул круглым путем и чуть ли не в каждом встречном видел подосланного убийцу.

Лишь вернувшись домой, в родной Чимбай, он вздохнул полной грудью.

— Омирбек, это правда, что когда ты приехал в Хиву и тебя спросили «Какой сейчас год?», то ты ответил: «Я первый раз в вашем городе и ваших дней и месяцев не знаю»?

— Правда, правда,— охотно соглашался Омирбек.— Все, что обо мне говорят хорошего и веселого, чистая правда. Я таких глупостей наслушался при дворе хана, что теперь любая глупость, услышанная в юрте, кажется мне мудростью.

О жизни при дворце Омирбека, конечно, спрашивали многие, но он отделялся шутками: ему было неприятно вспоминать самодура-хана и всю придворную грязь.

— Бай, Омирбек, мой сын проглотил мышонка, что в таких случаях делают в Хивинском дворце?— спрашивал сосед.

— Там мальчика сразу же заставляют глотать кошку,— смеялся Омирбек.

— А между нашим мясником и мясником из Хивы есть разница? Или между нашим муллой и хивинским?— спрашивали приятели на базаре.

— Нет, там такая же разница между муллой и мясником, как и у нас,— отвечал Омирбек.

— Какая же?

— У мясника скотина сначала испускает дух, а потом он сдирает с нее шкуру, а мулла сначала сдерет с тебя три шкуры, а потом уж разрешит испустить дух.

Аульская жизнь снова затягивала Омирбека в свою круговерт — базар, дорога, поле, юрта, базар, дорога...

Однажды возвращался Омирбек с базара. Присел на обочине дороги отдохнуть. Шел мимо бродяга-нищий, увидел Омирбека, остановился, стал рассказывать о своих бедах.

— Помоги мне,— попросил нищий,— чтоб я не умер с голода. Придумай какую-нибудь хитрость, и я буду почитать тебя за святого.

— Ладно,— сказал Омирбек.— Я тебя научу одной хитрости. Вырежь из бараньей кожи след ладони с растопыренными пальцами. Вот так — пятерню. Только пусть она будет большого размера. Прилепи эту кожу себе на грудь и лежи на солнце каждый день по несколько раз, понемногу. Через месяц все твоё тело станет черным, а под вырезанной пятерней будет белая кожа. Словно на твоей груди отпечатался след чьей-то большой руки. Тогда смело отправляйся в какой-нибудь дальний аул, поселись там в самой бедной юрте, живи один, не ешь, не пей четверо суток. И молись так громко, чтобы твои молитвы все слышали и поверили в твою любовь к аллаху. На исходе четвертой ночи, когда все начнут готовиться к утреннему на-

мазу, ты выбеги из юрты и закричи во все горло: «О правоверные! Мне явился пророк Хизр, да пребудет его благословение над нами! Святой Хизр вперил в меня свой благородный взор и возложил мне на грудь свою святую руку! «Оставайся здесь, — сказал святой Хизр, — и славь имя аллаха!» И когда тебя обступят люди, сбрось с себя халат и рубаху и покажи им след на груди. Они увидят белую ладонь и поверят в твое видение, в Хизра и во все, что им наплетешь. Ты станешь их пвслителем и шейхом. Понял?

Бедняк поклонился Омирбеку, как святому, и ушел.

А через два месяца до шутника дошел слух, что где-то в степи появился новый шейх, у которого на теле есть след руки самого пророка Хизра, и что у шейха теперь тысяча учеников и ему несут дары со всех аулов.

— Я же только пошутил! — горевал Омирбек. — А шутка обернулась бедой: на шею беднякам сел еще один шейх. Как осторожно нужно шутить в наше время.

...Один музыкант пригласил Омирбека в гости, усадил на самом почетном месте и начал играть для него.

Он перебрал самые различные инструменты — най, дутар, кобыз, гирджек, танбур, — и на всех он играл хорошо.

Попутно он объяснял, кем и когда та или иная музыка была сочинена, кем и где был сделан тот или иной инструмент.

Хозяин надолго увлекся, а Омирбек все чаще начал поглядывать в сторону кухни.

После того как хозяин еще раз сыграл на всех инструментах, которые были в доме, он спросил гостя:

— Омирбек, звуки какого инструмента вам больше всего понравились?

— Сытому нравится одна музыка, а голодному — другая, — ответил Омирбек. — Сначала мне очень нравился дутар, а сейчас самыми лучшими звуками для меня были бы удары в казан.

...Омирбек и Досназар-Левша зашли на постоянный двор. Им хотелось есть, и они взяли у хозяина несколько вареных яиц. Разбив их, увидели, что яйца порченые.

— Из них скоро цыплята вылупятся! — рассердился Досназар.

— Тише, тише! — замахал руками Омирбек. — Если твои слова услышит хозяин, он потребует с нас денег еще и за цыплят!

...Как-то раз один из байских племянников попросил Омирбека продать подороже старого ишака. Как обычно, он рассчитывал на красноречие знаменитого шутника.

— Ты поговоришь, покричишь и продашь. Если цену возьмешь хорошую, дам две монеты, тебе будет хорошо, и мне будет хорошо,—говорил племянник, отхлебывая чай из пиалы.— Я добрый...

— Ладно, — согласился Омирбек. — Пригони сегодня своего ишака. И приходи через три дня на базар после полудня — твой ишак уже будет продан.

Ишак представлял собой жалкое зрелище: он был грязен, шелудив, худ. Шерсть свалаялась, глаза смотрели грустно, бока впали.

— Четыре монеты! За две и торговать им не стану! — сказал Омирбек.

— Хорошо, — согласился племянник бая. — Только не продай дешево, когда будешь набивать цену.

Два дня Омирбек мыл ишака, расчесывал, по пять раз в день кормил до отвала. Глаза у ишака заблестели, шерсть заоснилась, живот слегка округлился.

— Это еще не совсем ишак, но уже пол-ишака, — сказал Омирбек, рассматривая животное. — Во всяком случае, торговать им уже можно. Теперь его нужно немного приукрасить, как невесту, которую ведут к жениху!

Он накинул на спину ишака узорчатую попону, сходил к родственникам за серебряной уздечкой.

— Серебро всех красит, — говорит Омирбек, важно ведя на базар степенно выступающего ишака.

Базарные завсегдатаи сразу поняли: кто-то из богатеев решил воспользоваться посредничеством Омирбека, чтобы сбыть скотину.

— Видно, ишак из богатой семьи, — говорили базарные сплетники. — Разве у бедняка ишак таким бывает? Одна уздечка из старого серебра сколько стоит.

— Уздечка и попона не продаются, — предупредил Омирбек.

Он так рьяно взялся за дело, что покупатели все время толпились вокруг ишака.

Омирбек так расхваливал его достоинства, что собравшиеся купцы были согласны на любую цену.

После полудня подошел к Омирбеку племянник бая, перемигнулся заговорщически: мол, дела идут хорошо.

Но Омирбек подозвал его и прошептал:

— Твоего ишака я уже давно продал. Это другой ишак, его дал мне для продажи мулла...

«Надо заставить этого бездельника купить своего собственного ишака за двойную цену!» — решил Омирбек.

И он начал так нахваливать длинноухого, что среди покупателей разгорелись страсти: каждый набавлял цену, каждый хотел приобрести это сокровище!

— Только без попоны и без уздечки! — все время предупреждал Омирбек. — Вещи дороги мне как память о деде — да озолотит его аллах, — они не продаются.

Племянник бая, который взамен проданного рассчитывал приобрести нового ишака, подумал, что он выпускает из рук выгодную покупку, и тоже принял участие в торге.

Омирбек подозвал его и сказал тихо:

— Если ты мне дашь еще четыре монеты, то я устрою так, что ишак будет твой. Надбавь сейчас цену последний раз, и я прекращу торг.

Племянник так и сделал: он добавил еще одну монету, и, хотя другие покупатели хотели продолжать торг, Омирбек сказал:

— Продано. Хозяин просил меня не только следить за ценой, но и за тем, чтобы его любимое животное попало в хорошие руки. Ишак продан.

Завершив все денежные расчеты, сняв попоны и уздечку, Омирбек пошел побродить по базару, а племянник бая, довольный выгодной покупкой, поехал восвояси.

«Молодец, Омирбек, — думал племянник под мерный топот ишачьих копыт. — Он сделал так, что я, добавив совсем небольшую сумму, купил отличного, чудесного ишака взамен своего тощего уroda...»

...Хадж — это паломничество в Мекку, священный город мусульман. Того, кто свершил такое паломничество, зовут «хаджи». Хаджи глубоко почитался верующими, имел право носить чалму, и к его словам прислушивались во время споров, которые возникали в мечети или на базаре.

Одного чимбайского торговца по кличке «Глупец» одолевало навязчивое желание, чтобы его все звали «хаджи». Но как это сделать? Не отправляться же из-за этого в Мекку. Да и зачем ходить за тридевять земель, когда рядом есть Омирбек.

— Пойди и попроси его хорошенько, — сказали Глупцу товарищи. — Он что-нибудь придумает. Он делал святых, шейхов, а уж сделать из тебя хаджи ему просто. Уж если Омирбек не поможет, то и сам хивинский хан ничего сделать не сумеет!

Торговец отыскал на базаре Омирбека и рассказал ему о своем давнем желании.

— Хоть сто монет отдам тому, кто поможет мне стать хаджи! — пообещал Глупец.

— Мне хватит и пятидесяти, — усмехнулся Омирбек. — Если ты их мне дашь, то тебя будут звать хаджи всю жизнь.

И даже если это тебе надоест, ты не сможешь избавиться от своей клички.

— Она мне никогда не надоест! — отсчитывая деньги, воскликнул Глупец. — Никогда! О, я буду хаджи! О, аллах! О, Омирбек!

— Теперь слушай, что тебе нужно сделать, — сказал Омирбек. — Стой, как обычно, на своем месте в мясном ряду. И как только кто-нибудь назовет тебя «хаджи», кидайся на обидчика с кулаками.

— За что? Он же назовет меня сладостным словом «хаджи»... — закатив глаза от удовольствия, проговорил Глупец.

— Делай, как тебе говорят, иначе ничего не выйдет! — рассердился Омирбек. — И дерись по-настоящему! Потом придет другой, скажет тебе «хаджи», и на него кидайся! Лови, бей, кричи!

— И долго мне так придется драться?

— Я скажу, когда хватит.

— И тогда все меня будут звать «хаджи»?

— Да, да, да — все до последнего мальчишки! — закричал Омирбек. — Где бы ты ни жил и чтобы ты ни делал. А сейчас иди и поступай, как уговорено.

Глупец пошел на свое место в мясном ряду.

А Омирбек подговорил базарных мальчишек дразнить Глупца словом «хаджи».

— Вы увидите, как будет весело, — объяснял он ребятам. — Глупец бросится за вами, вы — врассыпную, а он то за одним, то за другим. Не забывайте только громко кричать «хаджи», поняли?

Разве мальчишек нужно долго упрашивать, чтобы они подразнили кого-нибудь? Уже через минуту возле Глупца появился маленький оборвыш и закричал:

— Эй ты, хаджи!

Глупец погнался за мальчишкой.

Тогда все базарные оборванцы дружно закричали:

— Хаджи! Хаджи!

Торговец, подобрав полы халата и ругаясь, бегал за ними, пытаясь поймать хоть одного.

И чем больше торговец сердился, тем больше его дразнили.

На следующий день уже весь рынок — и дети и взрослые — начали называть его «хаджи».

Всем было интересно, чем кончится дело.

Глупец несколько раз вступал в драки, а утомившись, принимался ругаться.

Так прошла неделя, другая, наконец Глупец пришел к Омирбеку и сказал:

— Больше не могу драться и бегать. Я устал, торговля приходит в упадок.

— Ты уже можешь спокойно заниматься своим делом,— сказал Омирбек.— Торгуй мясом и улыбайся, когда тебя будут называть «хаджи», эта кличка теперь за тобою останется навсегда. Она так крепко прилипнет к твоему имени, что и дети твои не смогут ее отодрать. Ты доволен?

С той поры кличка «хаджи» действительно навсегда сопровождала торговцу. Правда, его называли «Глупец-хаджи».

...Омирбек не мог видеть вокруг себя скучные лица.

Он сразу придумывал какую-нибудь шутку, веселил собравшихся занятной историей, мог и посмеяться над кем-либо.

Даже на похоронах какого-нибудь богача, когда все вокруг превозносили добродетели почившего, Омирбек не мог удержаться от того, чтобы не вспоминать о том, как покойный обманывал при жизни бедных и как грабил ближних своих.

Поэтому Омирбека старались на богатые похороны не приглашать — мало ли что. Один раз, когда хоронили чимбайского муллу, Омирбек такую шутку выкинул, что до самого вечера все пересмеивались и обряд похорон был нарушен.

И на этот раз, когда умер один богатый бездельник, родственники его пришли к Омирбеку и очень просили его не приходить на похороны.

— Не делай покойного посмешищем,— просили они.

— Надо договариваться обо всем сразу,— усмехаясь, оправдывался Омирбек.— Козленок, козленок... Если бы сказали коза, сразу бы все было ясно... Сами виноваты.

...Как-то раз один очень жадный хозяин угостил Омирбека маленьким кусочком мяса.

Положив мясо перед собой, Омирбек не стал его есть.

— Что случилось? — удивился хозяин.

— Очень горячее мясо.

— Так ты подуй на него!

— Боюсь, что если я дуну, оно улетит в степь,— ответил Омирбек.

Тот же хозяин, угощая Омирбека в другой раз, положил ему на лепешку малюсенький кусочек жареной печени. Омирбек стал утирать слезы.

— Что с тобой? — заволновался хозяин.

— Бедный я, несчастный! — проговорил, всхлипывая, Омирбек.— Глаза мои слабы стали...

— Плохо видишь, что ли? — спросил хозяин.

— Да. Лепешку вот вижу, а печенку нет...

...У одного бая жена родила ребенка через три месяца после свадьбы.

— Надо мной все смеются, помоги как-нибудь,— попросил бай Омирбека.

— Нет ничего легче,— ответил Омирбек.— Сколько времени прошло со дня свадьбы?

— Три месяца.

— А сколько времени прошло, как твоя жена вышла замуж?

— Тоже три!

— Вот уже шесть. А сколько времени ребенок был в утробе матери?

— Три месяца.

— Вот тебе и девять месяцев! И чего люди смеются, не понимаю,— удивился Омирбек.— Все нормально.

— Ой, спасибо тебе! — обрадовался бай.— А то я уж начал волноваться.

...Чимбайский мулла любил курить терьяк (опиум), это знали все. Но курил он тайно и поэтому был уверен, что никто о его грехах и не догадывается.

Омирбек как-то сказал мулле:

— Почтеннейший, я бы взялся выучить говорить вашего ишака. Мы потом скажем правоверным, что аллах явил чудо: дал речь бессловесной твари. Какие дары потекут тогда к вам!

Мулла очень обрадовался этому предложению и отдал ишака на целый год в обучение к Омирбеку.

В ауле только и разговоров было: выучит Омирбек ишака человеческой речи или нет?

Спорили об этом и на базарах, и в степи, и в юртах.

Миновал год. Омирбек свел ишака на базар, продал, а потом явился к мулле и сказал:

— Почтеннейший, твой ишак оказался очень умным. Он почти сразу же заговорил так, будто и не был никогда ишаком, а с детства разговаривал по-человечески.

— Так где же он? — воскликнул радостно мулла.

— Вай, почтеннейший,— грустно молвил Омирбек.— Мне пришлось его убить.

— Почему? За что?

— Он начал болтать о тебе всякие гадости: будто ты и терьяк куришь, и ругаешься, и не всегда намазы творишь... Он ведь, пока рядом жил, всякого насмотрелся... А уши у него — во! — все слышат. Да еще ишачья привычка возводить напраслину на ближнего своего... Другого выхода не было, и я его убил. Иначе он бы тебя ругал, не переставая, при всем народе.

— И правильно сделал, — обрадовался мулла. — Не печалься, Омирбек, может, в другой раз тебе попадетя в учение более порядочный ишак!

...Однажды Омирбек сидел в юрте богатого бая.

А в это время к баю явился какой-то его приятель. Бай, забыв об Омирбеке, начал всячески ухаживать за вновь пришедшим.

Когда его приятель ушел и бай снова уселся рядом с Омирбеком, тот не выдержал и спросил:

— Оказывается, для тебя не все гости одинаковы. Разве так поступают хорошие хозяева?

Побаиваясь острого языка Омирбека, бай не хотел ссориться и начал его успокаивать.

— У меня такой уж характер: если я вот так, как ты сейчас видел, проявляю к гостю очень большое уважение, это значит, что я его не уважаю, а просто выпроваживаю. А вот если я веду себя сдержанно и скромно, как с тобой, значит, проявляю самое душевное уважение.

— И у меня такой же дурацкий характер! — радостно воскликнул Омирбек, схватил свою палку и начал бить бая.

— Ой, ай! Что ты делаешь, Омирбек? — кричал хозяин, не успевая увертываться от ударов. — Зачем ты меня бьешь?

— Я бью — значит, люблю, — сказал Омирбек. — А если не бью — значит, терпеть тебя не могу!

...Сидели в юрте друзья Омирбека и рассказывали свои сны. Дошла очередь до Омирбека.

— Я видел сон, который оказался вещим только наполовину, — сказал он.

— Как так? — удивились друзья.

— Снилось мне, будто я несу на плече мешок с золотом и от этой тяжести плечо сильно болит.

— Ну, ну? Проснулся, а золота только полмешка?

— Нет, когда раскрыл глаза, мешка не было, а вот плечо болит до сих пор.

...Досназар-Левша долго пропадал где-то и не заворачивал к Омирбеку много месяцев.

Однажды он приехал и был принят как самый близкий родственник.

Омирбек бегал от юрты к юрте: занимал рис, масло, мясо. Один сосед дал казан, другой — чай, третий — курицу, четвертый — яйца.

После плова Досназару постелили лучшую постель.

Оставили его гостить и на другой день.

Правда, плова Омирбек сделать уже не смог — не у кого было занимать рис и масло, но он зарезал свою последнюю курицу, сварил бульон, а мясо курицы обжарил в остатках вчерашнего жира.

— Что послал аллах, то и есть, — стесняясь бедного угощения, сказала жена Омирбека, подавая еду.

Гость остался и на третий день.

Съестного в юрте уже ничего не оставалось — даже хозяевам есть было нечего.

— Чем я буду его угощать? — стонала жена. — Какой позор, в доме крошки для гостя нет!

— Ничего, все будет хорошо, — сказал Омирбек.

Омирбек отвязал стоящего возле юрты досназаровского коня и громко позвал жену:

— Дорогая, мы уезжаем! Возьми с собой кое-что из вещей и садись сзади меня!

С этими словами он вскочил на коня. Конь громко заржал. Досназар проснулся и выбежал на улицу:

— Эй, Омирбек, что это значит? Куда ты собрался на моем коне?

— Как куда? — переспросил Омирбек. — Раз ты переехал жить к нам, то мы переезжаем в твою юрту — только и всего! Поторопись, жена!

...После неожиданной смерти жены Омирбек недолго ходил холостяком и женился во второй раз. Взял он в жены бездетную вдову, женщину хозяйственную и добрую.

Но первое время у них часто вспыхивали ссоры из-за того, что жена хвалила своего первого мужа, а Омирбек не оставался в долгу и хвалил свою первую жену.

Однажды Омирбек до того рассердился, что столкнул жену с лежанки.

Жена на другой день пошла к аксакалу с жалобой на Омирбека.

— Он не считается со мною, обижает меня, — сказала она, заливаясь слезами.

Аксакал позвал к себе Омирбека и строго спросил его:

— Почему же ты столкнул свою жену с лежанки? Разве так поступает правоверный мусульманин?

Омирбек ответил:

— Почтеннейший, посуди сам: разве четыре человека могут поместиться на такой узкой лежанке? Вот жена и не поместилась!

— Какие четыре человека? — удивилась жена. — Там, кроме нас, никого больше не было!

— Ой-бой! — воскликнул Омирбек. — Ты что, до четырех считать не умеешь?

— Какие же это четыре человека? — спросил аксакал.

— Я, моя покойная жена, моя нынешняя жена и ее покойный муж, — загибая пальцы на руке, перечислил Омирбек.

...В длинный зимний вечер собрались в юрте Омирбека соседи, друзья, родственники — просто так, поговорить, поспорить, послушать шутки хозяина.

Зашел разговор о пользе наказаний.

Одни говорили, что нужно наказывать очень строго и всех без разбора: виноват — получай.

Другие утверждали, что главное заключается в точном выборе наказания: каждый проступок должен наказываться по-своему.

— Если один и тот же будет виноват дважды, каждый раз его нужно наказывать по-иному.

Потом все замолчали: ждали, что скажет Омирбек.

В этот момент Омирбек заваривал чай. Сын его сидел рядом. Неожиданно Омирбек звонко — и, видимо, больно — шлепнул сына по лбу.

— За что ты его ударил? — спросил кто-то из родичей.

— Я наказал его затем, чтобы он не разбил свою пиалушку, — ответил Омирбек.

— Как же можно наказывать заранее? — зашумели гости. — Ведь он же ее еще не разбил.

— Что пользы наказывать после совершения проступка? — усмехнулся Омирбек. — Все равно пиала будет разбита... Но если разобьет, то получит еще столько же. И теперь он знает, что его ждет.

Опять загорелся спор: справедливо поступил Омирбек или нет?

— Очень умная и трудная наука, как, когда и кого нужно наказывать, — сказал Омирбек. — В ней нужно хорошо разбираться...

— Это легко, — возразил кто-то. — Кто виноват, того и нужно наказывать.

— Нет-нет, — засмеялся Омирбек, — так у вас ничего не получится... Вот, к примеру, убежала у Досназара корова — сорвалась с привязи. А теленок был рядом привязан и остался, не смог убежать. Кого нужно наказывать?

— Конечно, корову!

— Ничего подобного — теленка, — сказал Омирбек. — Пото-

му что он подрастет и тоже будет убегать, глядя на свою мать. А так он на ее поступки и глядеть не захочет.

Все посмеялись над рассуждениями Омирбека, а он привел другой пример:

— Вчера коза соседа забралась в мой огород. Моя жена кинулась ее бить. А в это время подошла к нам и сама соседка. И тогда я крикнул своей жене: «Не козу бей, а ее хозяйку, тогда она будет привязывать ее лучше и коза к нам больше не заберется!»

...Иной раз до того туго приходилось Омирбеку и его семье, что хоть ложись и умирай от голода. И в соседних юртах не лучше, даже родные помочь не могли, самим есть было нечего.

Тогда Омирбек брался за любую работу, хотя он в ней и разбирался мало.

— Э-э, голод заставит и зайца на кобызе играть, — говорил Омирбек.

С годами он многому научился: мог рвать зубы, подковывать ишаков, шить седла, писать письма — всего и не перечислишь.

У одного торговца разболелся зуб. За настоящим табибом — врачом нужно было ехать чуть ли не в Муйнак, поэтому и позвали Омирбека.

— Ты вырвешь зуб и получишь за это курицу, — улаживаясь о плате, сказал больной.

Омирбек пробыл у больного долго, а когда вернулся домой, то все выбежали его встречать: он нес по две курицы в каждой руке.

— Он заплатил тебе вместо одной курицы четыре? — спросила жена.

— Нет, — улыбнулся Омирбек. — Эта жадина никогда бы этого не сделала.

— Так откуда же у тебя четыре курицы?

— Я вместо одного вырвал у него четыре зуба. Рвать так рвать.

— Однако болел-то у него только один?

— А что лучше: одна курица или четыре?

— Конечно, четыре. Но пять лучше четырех.

— Э-э, как будто я сам не знаю. Но у него и было-то всего четыре зуба!

....Случилось так, что попросили Омирбека написать письмо.

— Если бы ты был баем, — сказал Омирбек, — я бы написал тебе двадцать писем. Но ты такой же бедняк, как и я.

— И поэтому ты не будешь писать?

— Нет.

— Для богатого все, а бедняку ничего?

Омирбек озорно усмехнулся и доверительно произнес:

— Скажу тебе по секрету, что у меня ослабли ноги.

— Разве ты пишешь ногами?

— Я пишу, как и все, рукой, но прочесть написанное могу только я сам. Поэтому мне нужно идти в тот аул или город, куда адресовано письмо, чтобы его там прочесть адресату. А я сейчас не могу идти — ослаб. Понял наконец?

— Но почему же ты пишешь письма, когда тебя просят бай?

— Наплевать мне на их письма — вот я их и обманываю. А бедняков обманывать не хочу.

...Пришлось Омирбеку однажды шить попону для верблюда.

Он ее сшил как сумел. Когда хозяин стал набрасывать попону на верблюда, она оказалась мала.

— Что делать? — вздохнул Омирбек. — У тебя какой-то особый верблюд. У него не два горба, не один, а полтора...

...У Омирбека уже в который раз украли ишака.

— Расскажи, как его у тебя украли? — спрашивали друзья, приятели и даже совсем незнакомые люди.

— Что за глупость вы у меня спрашиваете? Я ведь не приходил за ним вместе с вором. Откуда же я могу знать, как его украли? — смеялся Омирбек.

Но потом ишака нашли, и все очень обрадовались.

А еще через месяц он сдох.

Омирбек очень переживал его гибель. Родственники даже были возмущены его горем, говорили:

— Когда умерла первая жена, так он и то грустил меньше.

— Вы же сами в этом виноваты, — сказал Омирбек. — Когда умерла моя любимая жена, вы все утешали меня, говорили, что вместо нее вы найдете и приведете ко мне в юрту еще лучшую женщину... А когда издох мой ишак, то никто и не сказал, что мне приведут взамен нового ишака.

...Что такое шауле? Негустая рисовая каша с мясом, луком, маслом и морковью. Если моркови нет, все равно хорошо. Лука нет — тоже сойдет. Ну, а если масла и мяса нет? Тогда рисовая каша должна быть такой горячеей, чтобы она обжигала рот и нельзя было понять, что в ней есть, а чего нет.

Вот однажды Омирбек и Досназар-Левша пришли в гости к одному из своих общих приятелей.

Хозяин поставил перед друзьями кипящую шауле и стал приговаривать:

— Отведайте, пока не остыла, а то она вкус потеряет. Ешьте, почтенные гости...

Путь приятели проделали немалый, проголодались, и поэтому особенно их уговаривать не пришлось.

Досназар отправил в рот шауле, но она так обожгла его, что из глаз брызнули слезы.

— Э-э, отчего ты плачешь? — настороженно покосившись в сторону дымящейся миски, спросил Омирбек.

«Если я ему скажу правду, — подумал Досназар, — то он надо мной будет смеяться...»

И сквозь слезы сказал:

— Знаешь, друг, мне показалось, что с семьей моего дяди произошло несчастье... Словно видение мелькнуло: они все лежат в юрте больные. Вай-вай-вай!

— А-а! — промолвил Омирбек и тоже запихнул себе в рот горсть шауле. — О-о-о-о! — раскачиваясь, простонал он.

Когда Омирбек пришел в себя и смахнул рукавом слезы, Досназар участливо спросил:

— Отчего ты плакал, дорогой друг?

— Мне привиделось, что вся семья твоего дяди умерла, — ответил Омирбек.

...Как-то раз Омирбека спросили:

— Сколько тебе лет?

— Пятьдесят один, — ответил Омирбек.

Прошло лет пять, и Омирбеку снова задали тот же вопрос.

— Пятьдесят один год, — снова ответил Омирбек.

— Омирбек, — удивились друзья, — ведь пять лет назад тебе уже был пятьдесят один год. Как же так?

Омирбек ответил:

— Каждый уважающий себя мужчина должен держать свое слово! Раз сказал «пятьдесят один», то не будь балаболкой и не говори следующий раз «пятьдесят пять» или «шестьдесят». Я никогда не изменю своему слову, вы же меня знаете!

...Однажды, когда в юрте собрались друзья Омирбека, зашел разговор о молодости и старости.

Говорили, что и силы уже не те, что глаза видят хуже да и слух пошаливать стал.

Один только Омирбек тихонько посмеивался.

— Чему ты улыбаешься? — спросили его.

— Тому, что я, хотя мне пятьдесят один год, сохранил силу молодых лет.

— Как ты это можешь доказать?

— Очень просто. Вы все знаете большой камень, который лежит на повороте дороги?

- Знаем.
- Ну, так я в юности не мог его поднять.
- А сейчас?
- И сейчас не могу. Значит, моя сила осталась прежней.

...Омирбек заболел. К нему зачастили друзья, родственники. Даже совсем незнакомые люди, проходя мимо юрты Омирбека и узнав, что он болен, заходили проведать.

И каждый, как мог, утешал его, убеждая, что он вот-вот выздоровеет, встанет на ноги.

Однажды за день в юрте побывало более ста человек.

Омирбек позвал жену и сказал:

— Не умер ли я? Посмотри хорошенько, очень тебя прошу.

— Что за глупости ты говоришь! — воскликнула жена. — Почему это тебе пришло в голову?

— Ты же знаешь, что ~~живыми~~ обычно у нас мало интересуются, но стоит только умереть, откуда только народ появляется! Когда я был здоров, то к нам заходили в день всего несколько человек. А если люди ко мне валом валят, значит, я тяжело болен. Ну, а если с утра до вечера в юрте народ толпится, то, наверное, я уже умер...

* * *

Конечно, обо всех событиях жизни Омирбека на нескольких страницах сразу не расскажешь: ни о его путешествии по Аральскому морю, ни о встречах с тиграми, ни о том, как он пять лет учился читать коран, и о многих других, не менее примечательных приключениях. Но ведь мы расстаемся не навсегда.

«Человек богат встречами», — любил говаривать Омирбек. До новой встречи с шутником из Чимбая, дорогой читатель!

Борис Авксентьевич Привалов
ШУТНИК ИЗ ЧИМБАЯ

Редактор — Д. К. И в а н о в.

Технический редактор А. И. Е в т у ш е н к о.

Сдано в набор 24/I 1977 г.
А 09229. Подписано к печати 22/III 1977 г.
Формат 70×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 2,82. Тираж 100 000.
Изд. № 1000. Заказ. № 132. Цена 17 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ 3-ПРОЦЕНТНЫЙ ВНУТРЕННИЙ ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМ 1966 ГОДА ЯВЛЯЕТСЯ УДОБНОЙ И ВЫГОДНОЙ ФОРМОЙ ХРАНЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ.

По облигациям займа выплачивается доход в виде выигрышей, которые разыгрываются в проводимых ежегодно 8 тиражах: 15 февраля, 30 марта, 15 мая, 30 июня, 15 августа, 30 сентября, 15 ноября, 30 декабря.

В каждом тираже на один разряд займа разыгрывается 9400 выигрышей на сумму 512 560 рублей. Выигрыши по займу установлены в размере 5000, 2500, 1000, 500, 100 и 40 рублей на двадцатирублевую облигацию, включая нарицательную стоимость облигации (по облигациям в 10 рублей выплачивается половина выигрыша).

Вероятность выигрышей по облигациям займа увеличивается с каждым тиражом, поскольку количество выигрышей, разыгрываемых в тиражах, остается неизменным до конца срока займа, а выигравшие облигации погашаются при выплате выигрышей и в дальнейших тиражах не участвуют.

Сберегательные кассы продают облигации займа по следующим ценам:

Наименование месяцев	С 1-го по 15-е число каждого месяца		С 16-го по 30/31-е число каждого месяца	
	стоимость облигаций		стоимость облигаций	
	достоинством	достоинством	достоинством	достоинством
Январь, апрель, июль, октябрь	20 р. 10 к.	10 р. 05 к.	20 р. 30 к.	10 р. 15 к.
Февраль, май, август, ноябрь	20 р. 50 к.	10 р. 25 к.	20 р. 10 к.	10 р. 05 к.
Март, июнь, сен- тябрь, декабрь	20 р. 30 к.	10 р. 15 к.	20 р. 50 к.	10 р. 25 к.

Граждане! Приобретайте облигации Государственного 3-процентного внутреннего выигрышного займа! Участвуйте в тиражах выигрышей!

Российское республиканское
управление Гострудсберкасс